

Его (Валерия Сдобнякова) всё, касающееся культуры, жизни города — всё беспокоит, всё тревожит...

«...тогда я понял, что мы стоим у края духовной бездны — до такой низкой черты опустилось наше историческое самосознание, наша культура».

Это его слова из статьи, опубликованной в газете «Горьковский рабочий» от 28 июня 1990 года (стр. 8), в которой речь идёт (надо сказать, речь тогда шла) о возвращении городу (Горькому) его славного и красивого имени. И Валерий отстаивает историческую правду, с чем мы сегодня, безусловно, соглашаемся, а тогда было немало баталий, в которых надо было участвовать.

Или:

«Покаяться всем, «или почти всем» за то, что голосовали за единый блок коммунистов и беспартийных», «носили на демонстрации красные флаги», и «с бараньим энтузиазмом соучаствовали во зле». Мы должны покаяться «за длившуюся в стране в течение долгих лет кровавую вакханалию и наступивший вслед за ней маразм», за то, что «долго прожили среди отбросов и помоев» и потому «перестали чувствовать вокруг себя зловоние».

Эту выдержку (не свою) Валерий Викторович подробно разбирает, и стало быть, она не совсем к стати, но я привожу её сознательно, потому что, опять же, вижу его беспокойство и тревогу о нашем духовном состоянии, о котором должно заботиться и напоминать, как это делал «великий старец Иоанн Кронштадтский, призывающий к покаянию, к врачеванию души народной». И если сегодня писатель присоединяется и утверждает эту позицию, то значит, он служит людям, переживает, хотя и понимает недостаточность воздействия на умы и леность человеческую.

Но не говорить нельзя. Молодое поколение должно знать, какова была история его страны, его Отечества. Должно знать и приучать себя к внимательному наблюдению: А что же изменилось? Как изменилось? И куда клонит следующий виток истории, при котором ему (им) выпало жить. Много ли, к примеру, изменилось (а может, приняло другие, более изощрённые формы воздействия?) из сказанного Сдобняковым в «Православном слове» № 11, ещё в 1997 году:

«В образовавшуюся духовную брешь хлынул в страну мутный поток всевозможных проповедников, колдунов, целителей. Довольно пограбив материальные ресурсы страны, тёмные силы принялись за варварское завоевание национального самосознания, души народной, всеми способами пытаясь отвоевать её у Православия. У спасительного Правосла-

вия, ибо даже в самые трудные времена оно сумело сохранить в народной душе неугасимый лампадный огонёк веры Христовой».

Или вот ещё из статьи того же автора. Газета «Нижегородская правда» от 24 января 1998 года.

Валерий Викторович заканчивает статью под названием «Подведение итогов» словами: *«Жаль, что мы так быстро и легко привыкли и смирились с состоянием «мирной войны», вот уже который год непрерывно терзающей Россию».*

Который же год? Если сегодня прошло ещё двадцать лет, и она — «мирная война» — не ушла в историю... Сегодня она ринулась в религиозную сферу, и, к глубокому сожалению и с глубокой скорбью, мы видим как она — «война» — преуспевает... И что же будет, если христианин, писатель, священник, преподаватель перестанут тревожиться, беспокоиться, провозглашать?.. Молиться? Будет беда всенародная.

Валерий Сдобняков предупреждал, говорил, взывал о духовной опасности. Предупреждает, говорит и сейчас. И это достойно похвалы. И можно же продолжать об опасности духовной, которая всегда, во всякие периоды (благоприятные, неблагоприятные) имеет место быть.

Порассуждаем малость.

Сегодня может немало людей возразить и сказать: ну и что, что какой-то писатель или художник или горожанин-обыватель ратовали за то, чтобы в здании храма во имя Александра Невского был храм, а не концертный зал (мы же помним те словесные баталии, длившиеся не один год). Время расставило знаки. Храм стал храмом, и (как говорится даже в не церковной среде): Слава Богу! И он стал возделанным — возрождённым настолько хорошо, к чести правящего архиерея митрополита Георгия, что стал лучше того, каким был изначально. Но духовная опасность всегда остаётся по простой причине — враг рода человеческого — диавол, злые завистливые силы не перестают действовать и бороться с силами добрыми.

У меня возникает такой образ на основании неоднократных рассказов прихожан и нижегородских знакомых, как там — в кафедральном соборе (Александра Невского) хорошо поют. Какие слаженные хоры! И какие голоса! И это тоже заслуга архиерея. И это искренне и с сердечным прилежанием. «Мурашки по коже, батюшка, у меня от пения ихнего соборного». И этому, безусловно, веришь, и нет, кажется, оснований сомневаться... Но подкрадывается мысль: «концертный зал», — ещё не подкреплённая чёткой формулировкой, но застревающая в мозгу. В театре же тоже бывают «мурашки по коже».

Как-то мне пришлось встретиться с давно знакомым человеком, большим любителем хорошей музыки, знатоком музыкальных инструментов и даже органа в Нижегородской консерватории. Мы пили чай в его квартире, вспоминали прошлые годы, общих знакомых, всяческие переживания. Какие-то моменты были исповедального характера. И в конце, когда мне надо было уходить-уезжать, он говорит: «Поставлю я тебе пластинку — Рахманинов, «Литургию!»...» Я как-то замешкался, понимая, что это требует времени, а он (ну, он пропитан музыкой, и очень хорошая у него аппаратура), не воспринимая моё замешательство, продолжал: «Кто же может быть против «Литургии» Рахманинова — это же классика!».

Когда-то в молодости, в мастерской мы тоже услаждались такой музыкой, хотя записи и аппаратура у нас были далеко не совершенные. Ещё мы часто слушали музыку Вивальди и Баха...

Нужно было мне уважить хозяина... И вдруг вспомнилась «классика» в Карповской церкви. Там был уважаемый всеми и совершенно незамеченный человек — регент. Его почему-то звали Володя (хотя в церковном понимании должно быть произносимо полное имя — Владимир). Он был маленький ростом (не помню, прозывали ли его Закхеем), я тоже небольшого, но ему даже подставку соорудили на клиросе, чтобы быть на уровне голов певчих. Хор довольно большой. Были и басы, и альты, и тенор;

нотное, по партиям, пение. Субботу вечером и в воскресенье Литургия была для него праздником. Так, в общем-то, и должно быть. Божественная Литургия — это праздник!

Но Божественная Литургия совершается и на буднях, и она пелась по осьмигласному чину (8 гласов). Как-то мне пришлось несколько раз быть в той же Карповской церкви на будничных службах, и Володя совершал, следует сказать, отбывал череду, пел на «глас», тот или иной (в точности их, гласов, знания я не уверен) и был такой «кислый» маленький без подставки (подставка была на правом клиросе, а на буднях всё происходило на левом). Кислый, серый и отбывающий... Каждый день ну, может быть, кроме понедельника — не помню. И сколько же надо терпения и силы... дожить до субботнего вечера и воскресенья — поздней обедни, где он оживал и начинал радоваться и светиться.

И где духовная опасность? О чём батюшка печется?

Однажды описателю сему пришлось быть на Всенощной, недели за две до Великого Поста. В какой-то момент (он тогда не шибко разбирался в службе) он услышал среди многих певческих, по партиям, рулад, слова: «О камень разбьют младенца»... и ещё и ещё: «О камень разбьют, о камень разбьют»... «младенца»...

Представим себе молодого человека, привыкающего к Церкви, слушающего «осмигласное» размеренное, тихое, молитвенное пение, и даже не подозревающего, что «младенец» это в данном случае грех, причем только ещё начинающийся, не перешедший в страсть. Каково состояние души... нехорошо, нехорошо, и куда улетучилась душевная тишина и гармоничность, когда такая «классика» так громогласно вторгается в пространство храма и долбит, повторяет и повторяет эту, в общем-то, ключевую фразу: грех нужно разбить — искоренить, пока он не завладел душой и телом. Но подача какова? Кажется, это композитор (духовной музыки, так надо полагать) Ведель. Могу ошибаться, но точно не Рахманинов и не Бортнянский (простите, господа) и точно не классическая классика.

О чём я? О том, что в увлечении формой, красивой и гармоничной, можно легко уйти от Божественного Слова, в Литургии происходящего, творящего и обожествляющего, превратиться в концерт, только не в концертном зале, а в церкви совершающего... И если так делать постоянно, то есть ввести «в норму», то осмигласное пение может утратиться и с ним много чего ещё. Тогда духовная опасность может оказаться победой. Может быть кратковременной, но может и надолго задержаться.

* * *

В приметы мы не верим. Или стараемся ими не руководствоваться. Но одно дело заявлять об этом и другое где-то в затаённых уголках нашего непознанного сознания примечать их, вспоминать и как бы признавать.

У меня в молодости был такой случай. Я защитил диплом по окончании Художественного училища. Мою работу «Утро в деревне» приняли, что называется, «на бис» — рукоплескали, когда холст поставили на мольберт перед комиссией и зрителями в зале. Я был в душевном восторге и, кажется, без меры возбуждённым. Был уже куплен билет на поезд в Петербург, поступать в Репинский художественный институт. Но зачем-то я поехал в ГХУ (так тогда именовалось Горьковское художественное училище) — то ли за справкой, то ли ещё за чем. Поехал на велосипеде (у меня тогда был новенький «гончий» с загнутыми вниз ручками руля), а это километров за двадцать — не меньше. Кроме того надо подняться в гору на площадь Минина и Пожарского. В общем, рискованное для периферийного юноши предприятие... Возвращаясь назад с площади, буквально в 10-15 метрах по спуску с горы, мне под колесо попадает голубь (я едва на него не наехал). Видимо, птица задела электропровод, протянутый с одной стороны оврага на другую, и упала замертво. Руки на тормозах, но гора есть гора — скорость увлекает вниз и голубь забился на дороге...

А потом, переехав Канавинский мост (он тогда в городе был единственным) и проезжая к Главному ярмарочному дому, на пешеходном переходе (в основном люди уже прошли, но крупная старая женщина почему-то отпрянула назад, и я её задел рулём) опрокидываюсь. Выходя на стойку, чувствую, что ноги мои вверху, лицом обращён к асфальту. Переднее колесо сделалось «восьмёркой».

Иду по улице Советской, держа велосипед в руках. Благо, в полутора километрах жила двоюродная сестра. С Оки небольшой ветерок, но разгорячённому и потному юноше хватило, чтобы простудиться.

Вот тебе и образ — упавший замертво голубь... Птица умерла, а ты остался жив.

На днях мне рассказали подобный эпизод про одного батюшку. Ему дали в руки голубя, которого он должен был выпустить в определённый момент на свадебной церемонии у любимой дочери. Так как батюшка похварывал, то он в ожидании церемонии присел, держа птицу в руках, а когда надо было вставать и выпускать голубя, батюшка обнаруживает, что он мёртв.

Вскоре после этого была сложная операция, было много клиник и врачей, но всё закончилось благополучно. Умер только голубь.

Батюшки в приметы не верят, но картинки не из приятных. Как их не называй: случай, примета, образ, предупреждение, напоминание...

* * *

Мне знакомы две мамы, у которых дочери очень хотят сделать на теле татуировки. У одной из них дочка своё желание исполнила и сделала на животе татуировку. Естественно обе мамы сильно озабочены. Одна изыскивает возможности свести, устранить татуировку (сомнительно, что это у неё получится), а другая сокрушается: «Как же я воспитала свою дочь, что она такое замышляет. Как ей вообще в голову такое пришло. Я считала её сложившейся христианкой, а она?».

Я когда впервые услышал, что такое есть на Бору (и девушка юная, и мать ещё молодая), то долго удивлялся. Старые люди ведь могут совершенно не знать и не слышать о «модах» молодого поколения. А с месяц назад попалась мне книжка столичного священника — опытного миссионера, хотя по годам тоже молодого. Он приводит пример из фильма, но ощущение, что и в фильме, и в высказанном батюшкой мнении нет никакого сомнения, что сегодня такое явление более чем реально.

«Водитель по дороге подсаживает случайную попутчицу... и она очень хочет поговорить с молодым шофёром, а он молчит. Чтобы как-то разговорить его, она приоткрывает немного грудь и говорит: «Смотри, какую татушку с единорожкой я сделала». Далее развиваются остросюжетные темы, но мы о том только, что «татушки» — это запросто.

Может, следует сделать такой вывод: если уж очень хочется — хорошо, сделай «татушку» по такому эскизу (ты христианин, христианка). Во всю грудь Распятого Христа... и каждый день в своей жизни поминать — сострадай Ему.

Нам же обещают поставить печать на челе или на руке, а ты не дожидаясь этого «запечатываешь» тело своё христианским символом. Повторюсь — если до невозможности хочется. Но вообще — что либо к созданному Творцом ничего добавлять не надо.

ПРО ДРУЖБУ СЕМЕЙСТВ

Обратился ко мне семинарист Никита с просьбой рассказать о семье Гурьяновых и о нашей дружбе (семьи Юшковых) с ними.

Непростую задачу ты мне задал, друг Никий. Так давно это всё было, говорю я ему, когда он мне представился, и мы познакомились.

Отец Димитрий Гурьянов был младшим в их семье, и мы его помним совсем маленьким — он, может, ещё только ползал или только что на-

чинал ходить, а сегодня ему без «пяти минут» — 70 лет. Вот как давно! Мы к ним ездили на Рождественскую ёлку, когда семья Гурьяновых жила на улице Маяковского (ныне она снова Рождественская) или почти на Маяковской. Мы ехали на трамвае до «Скобы» и немного возвращались назад, потом поворачивали влево и входили в какой-то двор, казавшийся мне квадратным. Кругом окна. Дом их был во дворе, квартира на втором этаже. Мы — это папа с мамой, я, Геннадий и Людмила — сестра. Рождественские ёлки у них были ежегодно, и как мне помнится, мы были не однажды.

Сейчас уже трудно отделить что было от детских впечатлений а что от взрослого. Тогда, наверное, нарядная ёлка с самодельными но красивыми игрушками, а «сосульки» можно было, сняв слюду, благополучно отправить в рот. Этого момента я не помню, мне о нём рассказала сестра наша Людмила, тогда она была просто Люся. Это детское. А взрослое — до сих пор помню лучистые глаза Надежды Порфильевны и сестры её Софьи Порфильевны. Именно лучистые. Они на вас смотрят и осиявают. Мне думается, что нынешний отец Димитрий унаследовал от мамы такие глаза, улыбку и доброту.

Глаза Александра Ивановича очень крупные, выпуклые и «удобные» для фотографа. Он же, кроме того что был талантливым регентом, был ещё и фотографом. И такие же глаза были у их старшего сына Анатолия. По Рождественским ёлкам я его не помню, а помню по алтарю Карповской церкви, он туда был назначен, наверное, после Семинарии и служил некоторое время, когда папа — наш отец — был там настоятелем. Вскоре его, отца Анатолия, перевели в Арзамасский собор. Второй сын у них Николай — красавец, я его мало знал. Слышал, что он жил в Москве и тоже принял священство. В Москву перебралась и Елена, выйдя замуж за церковного деятеля. Муж её — преподаватель в Духовной семинарии — Академии Троице-Сергиевой Лавры.

Третий сын Геннадий — человек гражданский и о нём я ничего не знаю. Вторая дочь Ирина. Маленькой, так сказать, у ёлки, я их с сестрой почти не помню, а будучи девушкой, она как-то отчётливо однажды произнесла фразу, что она «Христова невеста».

Относительно себя следует сказать, что до армии жутко комплексовал своим маленьким ростом. я и в своей семье самый маленький, хотя и старший по родству, а относительно Гурьяновых особенно. Они все такие крупные и мощные... Но вот лучистые глаза и доброта — такими добродетелями могут наслаждаться все — и маленькие ростом тоже...

Ещё они все пели. Чудесные голоса. И добрые песни. Сестра моя мне напомнила, что она до сих пор помнит песню, услышанную у них (Софья Порфильевна, её сестры, крестная мать, и они в силу этого, должно быть, чаще встречались). А песня: «Спасибо, сердце, что ты умеешь так любить». Софья была ведущей исполнительницей. Крестным отцом был у сестры нашей: Иван Александрович, впоследствии отец Иоанн (Фролов), служивший в селе Ворсма. Он достаточно часто приезжал к нам в семью, в гости. Его мы любили, он всех благословлял. Итак, были три верных друга: Александр Иванович, Иван Александрович и наш папа Николай Степанович — в 46 лет принявший священнический сан в 1953 году.

Может быть, не всё я описал точно, про песню я плохо помню. А помню — в комнатах было много вещей. Ещё бы, пятеро, а потом шестеро детей, а жизненное пространство не так велико. На шкафах множество коробок до потолка, в каком-то углу физгармония (тогда я точно не знал этого слова), но всё прилично, культурно и добротное. Культура общения, воспитанность и такт — это те факторы, которые запомнились и, наверное, были примером и в какой-то мере подражанием. Мы то ведь приезжали к ним из Борзовки, это окраина города Горького — почти деревня, и мама наша с нами с семерыми не всегда справлялась, воспитывать было некогда. Отец всегда на работе.

У них была помощница Софья Порфильевна? Во всяком случае всё было ладно, и слава Богу, что у нас были такие друзья... Теперь мы уже старые, но воспоминания самые добрые. А юноша Никита молодец, что осваивает тему дружественных семейств в Нижнем Новгороде. Благослови его, Господи!

1 февраля 2019 г.

* * *

В нашем богослужении мы часто употребляем слово «Аллилуия». Мы любим это слово, мы его припеваем, оно радует наше сердце... И мы забываем его значение...

Еврейское слово «Аллилуия» переводится как «Хвалите Бога». А слово «Аминь» — «истинно так». Но перевод никогда не используется, а оставлено так: «Аллилуия», «Аминь». Сделано это для напоминания о связи с Ветхозаветной Церковью.

«Выражение это невозможно передать на славянский язык одним словом, поэтому оно оставлено в тех звуках, в которых было вдохновлено Богом, сообщая особую таинственность нашему славословию. Служа припевом самых радостных псалмов Псалтири, «Аллилуия» в церковном богослужении выступает в этом качестве — припева псалмов. «Аллилуия» повторяется трижды в честь Святой Троицы... «Аллилуия» напоминает, что в православном богослужении хваление преобладает над прошением. Святой шестого века авва Силуан говорил, что небесное богослужение — как идеал богослужения — представляет собой непрестанную хвалу Богу...» (Лист-календарь «От Пасхи до Пасхи», 15 окт. 2018 г.).

«С нами Бог, разумеете языцы...» ...но «языцы» разуместь не хотят. Они задают бесконечные вопросы.

ДНЕВНИКОВАЯ ЗАПИСЬ

20 октября. Облетают последние листья с больших деревьев. Осень раздевается. Снимает золотой наряд. Выстилает перед окнами мягкую пушистую перину — из листьев дубовых, берёзовых, черёмуховых.

23 октября. Утром «перину» поливает дождь. Надо ехать в Нижний, в мастерскую Николая Мидова, поздравить его с днём рождения. Ему сегодня 86 лет исполнилось, и несмотря на болячки он держит традицию, приглашает...

Бывало, много друзей собиралось. Ныне ряды редеют. Отец Леонид Новиков из Торжка всегда приезжал. Юрий Кузьмин, Лев Шаболдин, Алик Есиев уже никогда не придут.

Их и в том году уже не было...

ТИШИНА

Он рубил дерево. Хорошее дерево для будущей маленькой избы. Рубил топором, потому что хотел испытать, почувствовать и попробовать строить вообще жизнь, как предки жили и строили дома и даже храмы Божии (без единого гвоздя, как церкви в Кижях). Он уже много наготовил дерев, и вчера и позавчера, а сегодня что-то мешало ему, то ли сомнительные мысли подкралась, то ли мелодия запавшая как-то ненароком и невзначай, и вот пробивалась в мозгу или где-то. Пробивалась и уводила. И увела. Он даже топор оставил в дереве и пошёл вглубь этих зарослей. Лесом назвать то место как-то не вяжется.

Это брошенная земля, где есть и деревья и кустарники и валежник и бурьян. Сколько-то этой земли ему запросто продали (за ненадобностью...), и он точно не знал, где граница его земли. Она плавно перехо-

дила в ту неразбериху, в которую он медленно, чему-то прислушиваясь, побрёл, не отдавая ещё отчёта своему отвлечению... Почти срубленное дерево и размеренный стук топора оставили его голову и он погрузился в тишину...

Вы слышали, вы слушали когда-нибудь тишину? Он слышал. И наслаждался, до самозабвения...

Уже смеркалось, и сколько он слушал тишину, он и сам не знал. Вывел его из забытья сын: «Пап, ты куда пропал?»

Ночью он напишет музыку, которую слышал в той тишине. «Музыка» была на листе бумаги, оставленном на столе. На нем были какие-то крючки, похожие на нотные знаки.

Домашние его, обычно аккуратного к распорядку дня, в это утро долго ждали его к завтраку...

На оборотной стороне листа тоже была запись: «Как звучит тишина, безмолвие, затишье? Словно эхо. Как многотоние... Как мысль. Как молитва.

Так звучат звезды августовской ночью. Так звучит арфа из стволов в лесу, где исполнитель — ветер меж деревьев...

Концерт тишины слушаешь сердцем, — там, где пресытившись тысячью музык, душа вдруг начинает петь сама:

*Ангел мой грусти усталого неба,
У края, над пропастью, там где я не был,
Ты встреть меня утром у синего дерева...
Лодка у берега, в лодке у берега Он...*

*Ты видишь все — мои сны, мои мысли...
Ты слышишь, мелодии тихо повисли?
И слушает,*

слушает,

слушает,

слушает...

*Трогают пальцы потертые звуки
Руки на пульсе, теплые руки...
Прикосновение, истина слова...
И возвращение снова и снова*

к Тебе...

А.Г.

МЕЧТА О ЛОНЕ АВРААМОВОМ

— А что такое ЛОНО Авраамово?

— Наверное, это какой-нибудь зелёный луг, а Авраам — наш праотец, от которого пошли иудеи (евреи), родившие, по человечеству, Христа, а значит, возникли христиане от Исаака, а также мусульмане, тоже от Авраама произошли, Агарь родила ему Измаила, их родоначальника. Бог избрал Авраама за его верность Ему и, конечно же, всячески вознаграждал его и при жизни и по смерти. Вот и было ему дано ЛОНО на том свете. Это самое Лоно увидел в огне ада мучившийся грешник — богач, пиршествовавший всю жизнь и в таком душевном состоянии умерший... увидел он там, на «Лоне Авраамовом, Лазаря». Об этом мы неоднократно читали и слышали в Евангельской притче.

Ему, богачу-грешнику, страдающему невыносимо, было сказано, что между ними — пропасть непреодолимая. И никак невозможно ни тебе — туда, ни ему — оттуда, чтобы выполнить просьбу: «освежить язык твой», росой любви его, даже если...

И я по невнимательности своей или забывчивости рассуждал, что «Лоно Авраамово» — это, наверное, «окраина Рая». А священник Олег Стеняев в какой-то встрече «Ответы на вопросы» ответил: что Лоно Авраамово — это Ад... И в нём, выходит, много мест, и даже настолько от-

личающихся, что с непреодолимой пропастью места эти расположены.

Правда же, возможно такое предположение-видение. Притчу говорит Господь при жизни на земле. Ад ещё не разрушен и двери Райские ещё не открыты. Ещё будет Крест на Голгофе, пещера погребальная и Воскресение, и потом... попадают туда, на Лоно Авраамово, праведники, мук адских не заслуживающие в силу скорбной и болезненной жизни на Земле, такие, как нищий Лазарь, и ожидают, когда откроются Врата Рая. Такой вот «широкий Ад», где есть и «Лоно Авраамово».

В неуверенности о правильности толкования Олегом Стеняевым, копаюсь в словаре, где написано: «Лоно = недро, лоно; грудь, пазуха (не отсюда ли появилось выражение: «как у Христа за пазухой?»), карман залив, бухта, ущелье, долина» (Церковно-славянский словарь стр. 287).

Долина — это тоже красиво и привлекательно. Матушка моя Лариса рассказывала мне однажды, как она видела во сне мою маму (Свою све-кровь. Они хорошо и всегда мирно жили.), как бы в долине удивительно зелёной с голубым небом; на земле у нас таких красок нет. И на этом пространстве группа женщин-девушек. «Они приближаются ко мне, и я вижу — одна из них мама... Они все были радостны... но меня они, как бы, не видели...»

Смотрю ещё в словаре: Авраамово недро = рай, блаженство вечное, куда переселяются чистые и святые души, разлучившись от тела. В таком же значении берётся Лоно Авраамово (Церковно-славянский словарь стр. 3).

«Умер нищий (Лазарь) и отнесён был Ангелами на Лоно Авраамово»... (Лк. 16, 22). Так что же? Ад или Рай? Или, может быть, всё-таки «окраина Рая»? Как бы там ни было, но это место, о котором можно всегда помышлять и мечтать... О встрече с матушкой...

Иногда кажется, что хорошо бы побыстрее это время настало, но, впрочем, это мимолётно и не тягостно. И здешняя жизнь не плоха, и болячки терпимы и есть много чего недоделанного, недорисованного. Легкомыслие моё как художника не сменяется серьёзностью вопроса — ухода, но что делать? Можно пенять — ругаться (духовнику, другу или собрату), а можно принять как исповедь, в самом высоком её понимании это отказ от греховной привычки, от греха и невозвращение к нему. Но таковая, высокая планка — удел немногих.

Пятого февраля, в день преподобного Геннадия Костромского, мы чествовали отца Геннадия, брата моего, поздравляя его с Днём Ангела и с восьмидесятилетием. Служили «соборне» Литургию в Знаменском храме в Балахне. Собрались шесть священников и протоиерей. Один батюшка, приехавший с небольшим опозданием из Белбажа, тоже отец Геннадий — верный друг нашего Геннадия, семь лет назад перенесший тяжелейший инсульт и оставшийся с некоторыми дефектами ноги и руки, но продолжающий служить Богу и людям, подошёл ко мне после Причастия и спрашивает: «Как живёшь, батюшка, как спасаешься?» Сам он такой большой, высокий, добродушный. Улыбается и вопросительно ждёт ответа от меня — старика, надеясь, что ему скажут что-то душеполезное... А я ему, от неожиданности вопроса (где-то в «пятке души моей» промелькнуло: он уже спасён, но это как-то параллельно было): «Ты знаешь, отец, я не очень понимаю, что это такое — спасение? Мне всегда думается, да ты и сам знаешь, что спасает Господь, и я, право же, не знаю, как тебе ответить. Об этом столько много говорится, пишется, и много разных мнений, подчас совершенно противоположных. Может, я тебе скажу что-нибудь за праздничным столом».

Батюшка умильно улыбается, и мы выходим на середину храма на молебен...

За столом его не оказывается. Брат объясняет, что ему не до застолья, что он уже уехал, что трудится он столько, что не всякий здоровый священник так смогает...

«Воздаяние предначинается в земной жизни человека, подготавливается степенью её духовного усовершеня. Кто на земле взрастил себе крылья, говорит преподобный Ефрем, тот там воспаряет в горня; кто здесь очистит ум свой — тот там узрит славу Божию...» (Настольная книга священнослужителя от прп. Ефрема Сирина, т.2 стр. 559). Это изречение Ефрема так и просится отнести к вышеупомянутому батюшке. А мне вспоминается эпизод из моей юности, который сильно меня печалит относительно моего спасения.

Наш папа был всегда общительным человеком и у него было много знакомых, посещающих наш дом ещё и до его священства. Среди них были два почтенных старика: Михаил Фёдорович — горожанин благообразного вида, живший в районе Главного торгового дома (где ныне проводятся постоянные Макарьевские ярмарки), а другой — деревенский Григорий Михайлович, знатный печник, живший в одном посёлке с известным Михаилом Сметаниным (кстати сказать, все они были его почитателями, в том числе и наш отец). Бывали поминки по родственникам, или праздничные собрания, пели канты, беседовали, обсуждали вопросы веры, спасения. Однажды беседа «старцев» затянулась больше обычного. Все знакомые и родственники уже разошлись, мама с сёстрами (нашими тётками) занималась посудой на кухне, а мне нужно было что-то спросить у папы, но дверь «передней» (так мы звали папину комнату) была плотно прикрыта, чего при гостях никогда не было. Я остановился у двери, держась в нерешительности за ручку, и вдруг слышу, как один из тех старичков, кажется, это был Григорий Михайлович — деревенский богослов — так убедительно говорит моему отцу: «А твой старший не спасётся...» Старший — это я. И надо же было такому случиться, подойти мне именно в этот момент и невольно подслушать... Я не помню своё душевное состояние после такой «новости», вряд ли понимал серьёзности приговора. Мне было, по моим подсчётам, лет тринадцать-четырнадцать, и было это года за два до папиного священства. Папа был моложе их, и думается мне, что Григорий Михайлович (Он чаще у нас бывал. Однажды даже некоторое время жил, когда выкладывал большую печь.) смотрел, в духовном прельщении, на папу, свысока, видимо, анализируя...

Услышал и вскоре в силу юности забыл. Но время от времени, когда возникали вопросы веры, спасения, каких-то духовных напряжений, я вспоминал то моё «осуждение» и несколько печалился. Но надо сказать опять же, ненадолго. Меня успокаивала часто вспоминаемая фраза, сказанная Силуаном Афонским: «Держи ум свой в аду, но не отчаивайся».

Об этом «не отчаянии» очень убедительно говорит в своих беседах известный Алексей Ильич Осипов. Он «ругается», и теперь уже и я с ним на таких осудителей, напоминает о серьёзности мытарств, но никого не посылает на вечные муки, а всем желает спасения и приводит молитву, которую христианин читает каждый день: «Многомилостиве и Всемилоствие Боже мой, Господи Иисусе Христе, многия ради любви сшел и воплотился еси, яко да спасеши всех» (Молитва 8-ая ко Господу из Утренних молитв); и при этом Алексей Ильич обращает внимание на огромное множество людское на Всей Земле, где христиан православных совсем мало, и что спрашивает-говорит он, остальные миллиарды сотворены Творцом для ада?.. «Вы слышите, восклицает: «Сшел и воплотился, чтобы всех спасти...» «Бог есть Любовь».

Понятно, что разные мнения по этим ключевым вопросам останутся и будут продолжаться, но ясно одно: судить человека и обречь ему место на Том Свете будет только Бог, у Которого, кто-то сказал, с каждым человеком совершенно уникальные отношения.